

ИСКУССТВО И РЫНОК. Г. Горин: "Я сам себе конкурент"

- Вы были в Израиле. Наверняка общались с соотечественниками Михаилом Козаковым, Леонидом Каневским, Валентином Никулиным. Как им там живется?

- Живется, на мой взгляд, им сложно... Но интересно. И "может" ровно в той мере, в какой они могут сохранить собственную индивидуальность, то есть остаться актерами, людьми искусства. А это ужасно трудно, поскольку существует необходимость работать на чужом языке... Только так можно получить выгодный контракт. Но и при выгодном контракте всегда работа по максимуму - выпуск спектакля за два-три месяца, значит, ежедневно: занятия языком, репетиция, снова занятия, снова репетиция...

Оказывается, халтурить нельзя. Перекуры и чай в рабочее время наказуемы... Выглядеть тоже надо хорошо, особенно если хочешь работать с людьми... О, как удивлены были многие наши девушки, когда выяснилось, что с золотыми коронками на зубах места продавщицы не получишь! И каждый лишний килограмм веса обратно пропорционален шансу надеяться на место секретарши....

- Одним словом, Израиль многому научил вновь прибывших своих граждан...

- Да. И азы рынка, которые мы в бывшем СССР осваиваем вот уже несколько лет, здесь им приходится постигать за один-два месяца.

Лично я получил там настоящие уроки по авторскому праву. Спектакль "Поминальная молитва" в Камерном театре Тель-Авива шел с громадным успехом, а вот устанавливать договорные отношения с автором пьесы дирекция не собиралась... Да и зачем?! Из какой страны он, собственно, прибыл? СССР уже нет, с СНГ никаких соглашений еще не подписано. Вот тут я испытал чувство незащищенности сполна... Законов не знаю, права свои передавал ВААП, часто даже не спрашивая, не интересуясь подробностями. Так мы привыкли! И самое постыдное - незнание языков! Ужасное ощущение, когда мы, считающие себя людьми интеллигентными и современными, начинаем мучительно выдавливать из себя: "Айм сори... я донт спикинг..." Кошмар!

Дал себе слово, вернувшись, заняться языком всерьез. А вообще Израиль - страна удивительная и такая разная... Хорошо сказал один израильский писатель: "Израиль - как зеркало: каждый видит в нем ту рожу, какую сам ему соорудил..."

- Вы говорите о том, что повидали там. А что испытываете, когда сами соприкасаетесь с рынком здесь, в своем Отечестве? Как, по-вашему, отразится он на писателях, драматургах, актерах и режиссерах?

- Хотим мы этого или не хотим, но мы все уже по существу в рынке. Пусть не в его классическом виде, а пока что в "совковом", но он уже проник во все сферы жизни и ломает не только привычное, но и судьбы. А для многих он просто трагичен.

Не случайно он встречает такое упорное сопротивление. Сейчас при переоценке ценностей выясняется, что иные, считавшие себя еще недавно маститыми писателями, драматургами, режиссерами, актерами, были на самом деле просто радужными мыльными пузырями. Оказалось, что в Союзе писателей по большому нравственному счету и таланту состоят совсем не писатели, а многие актеры по значимости и глубине созданных ими образов тоже не такие уж великие мастера. Мы все сейчас как бы в эмиграции в незнакомой нам стране, живущей по другим законам. Столкнулись с такими условиями жизни, которые нам прежде были неведомы. К которым надо приспособиться, принять их, если хочешь выжить и работать дальше.

- Раньше было проще?

- Конечно, писал сатирические рассказы. И хотя остроглазые цензоры зорко следили, чтобы не прошло то, что они считали крамолой, все же кое-что острое и смелое появлялось на свет. Я часто выступал на эстраде, на больших площадях, стадионах и получал удовольствие от реакции зрителей. Записки типа: "Милок, тебя ведь посодят!" - придавали еще больший азарт.

- Теперь такие записки не пишут?

- Уже нет. Раньше зритель нередко аплодировал-то не столько искусству, сколько смелости. Как бы благодарил за то, на что не осмеливаются сами, хотя именно так думают тоже. Ведь большая строгая "мама" - государство бдительно следило, чтобы мы не очень-то "шустрили". Сейчас я остался один на один со своим творчеством. Сам себе и редактор, и цензор. А это, поверьте, очень сложное совмещение, ко многому обязывающее. Мое творчество стало моим рынком, где я сам себе - конкурент.

- Несколько раз вы появлялись на телеэкране в необычной обстановке, например в Елисеевском магазине. Расширяете свой творческий диапазон?

- Да нет. Я живу напротив Елисеевского и совершенно случайно попал на ту пресловутую презентацию. Походил, поглядел. Зашел в буфет, купил кофе и бутерброд. Тут меня неожиданно настигла телекамера и запечатлела весь процесс "поглощения пищи". Люди потом подходили и говорили: вот вы вроде бы с народом страдаете, а сами вон как ели!

- А что вообще вы думаете о нашем TV?

- Наше телевидение не отличается особым тактом. Ни по отношению к тем, кого снимает, ни по отношению к телезрителям. Ну, скажите, зачем периодически с каким-то садистским упорством и наслаждением делать репортажи с презентаций, светских балов, раутов, конкурсов красоты? И при этом показывать в разных ракурсах, да еще крупным планом богато накрытые столы, которые ломаются от всевозможных яств, и жующих людей. И это сейчас, когда полно голодающих и полуголодных. Помню, раньше на TV рюмку из кадра вырезали, а теперь, наверное, стоит "резать" еду.

- И последнее, что в портфеле и голове драматурга и писателя Горина?

- Театр "Современник" репетирует сейчас пьесу под названием "КИН-IV"... Режиссер - И. Кваша, в главной роли - В. Гафт. Когда будет готова, точно сказать не берусь... Ожидал премьеру в марте этого года, теперь выпуск откладывается до осени будущего. Видите, планоно мы работать разучились, а быстро, "по законам рынка" еще не получается.

Для кино собираюсь писать сценарий "Жизнь и смерть Тарелкина". Работаю над книгой под условным названием "Мои современники"... Там будут собраны шуточные портреты друзей - актеров. Короче говоря, работаю. Конкурирую, как умею, с собственной ленью.

Беседовала В. ТЕРСКАЯ